

Секция «11.1 Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

**Вениамин Каверин и формирование публичного образа Михаила Булгакова:
стратегии литературной легитимации**

Научный руководитель – Орлова Екатерина Иосифовна

Чуваева Марина Максимовна

Студент (магистр)

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Факультет истории, Кафедра
отечественной истории, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: m.chuvaeva@gmail.com

Память о писателе не являлась естественным процессом в советской литературе. Возвращение автора зависело не только от художественной новизны и значимости его произведений, но и от институциональных условий эпохи с медленно меняющимися идеологическими рамками, а также от усилий отдельных людей, готовых взять на себя функцию посредника. Посмертная судьба М.А. Булгакова – один из наиболее показательных примеров такой ситуации. Возвращение литератора в публичное пространство не стало автоматическим следствием изменения политического климата; оно было результатом последовательной и настойчивой работы многих людей, стремившихся актуализировать и легитимизировать творческое наследие Булгакова. Существенную роль в этом процессе играл В.А. Каверин, с его активной по созданию посмертного публичного образа Булгакова.

Каким же образом Каверин формировал образ Булгакова и какие стратегии легитимации использовал? В корпусе источников используются статьи Каверина о Булгакове и его творчестве, опубликованные в журналах, предисловиях к издаваемым сборникам, очерки и воспоминания Каверина и его современников, а также переписка между ним и Е.С. Булгаковой-Шиловской.

Сразу после смерти писателя была создана комиссия по сохранению его наследия во главе с А.А. Фадеевым. В письме к вдове Булгакова он писал: «Нечего и говорить о том, что все, сопряженное с памятью М.А., его творчеством, мы вместе с вами, МХАТом подыдем и сохраним. . . » [6]. Эти строки стали охранной грамотой и позволили в дальнейшем бороться за творчество Булгакова. Однако этот процесс затянулся на долгие годы. Проекты сборников писателя неоднократно обсуждались, пьесы получали положительные отзывы, но решение откладывалось: книги не запускались в печать, важные члены комиссии (в том числе С.А. Ермолинский) подвергались репрессиям, а с началом войны тема «воскрешения» Булгакова отошла на второй план.

Процесс по сохранению имени драматурга получил новый виток во время II съезда Союза писателей. В 1954 году с трибуны впервые публично прозвучало имя Булгакова. В своей речи Каверин отметил достижения сразу двух «забытых» авторов: «Я вижу литературу, в которой приклеивание ярлыков считается позором и преследуется в уголовном порядке, которая помнит и любит своё прошлое. Помнит, например, что сделал Юрий Тынянов для нашего исторического романа и что сделал Михаил Булгаков для нашей драматургии» [Ермолинский, 2002, 193-194]. Такое выступление не могло остаться незамеченным. Ермолинский в мемуарах отметил: «Буквально на глазах переверотилась картина нашей литературной истории: многое из того, что шумело, искусственно воздвигаясь на вершины, оказалось всего лишь сиюминутным, конъюнктурным и лопнуло как мыльный пузырь» [Ермолинский, 2002, 199]. А Е.С. Булгакова, по его словам, отправила Каверину корзину цветов и несколько томиков произведений драматурга, выразив глубокое признание [1].

Следующие несколько десятков лет Каверин постепенно, вместе с другими членами комиссии по сохранению наследия Булгакова, боролся за публикацию произведений. Риторика, которой придерживался автор «Двух капитанов», была направлена на формирование не только памяти о писателе, но и такого образа Булгакова, который был бы приемлем в новых исторических условиях

Прежде всего, Каверин старался перейти от политической плоскости к эстетической. Булгаков – это не фигура, конфликтующая с властью, а, в первую очередь, творец, который внёс значительный вклад в развитие литературы: «Его таланту свойственно изящество, лёгкость построения, шутливость, подчас прячущаяся в глубине драмы» [Каверин, 1956, 72-73] или «С пронизательностью историка он (*Булгаков – М. Ч.*) взвешивает сомнительные факты его (*Мольера – М. Ч.*) биографии. Отсутствие фактов он убедительно дополняет воображением» [Каверин // Булгаков, 1965, 11]. Реабилитация автора происходила не за счёт пересмотра идеологических оценок, а благодаря установлению эстетической ценности.

Каверин формировал образ Булгакова как автора, несправедливо вытесненного на периферию литературной жизни. При этом он избегал прямых обвинений системы. Каверин подчёркивал у Булгакова чувство собственного достоинства, внутреннюю свободу, верность художественному призванию: «... надо воочию, вживе показывать жизнь таких людей, как Булгаков, – людей, посвятивших себя рыцарской верности, не боязни трудностей и умению восхищаться, радоваться жизни, несмотря ни на что» [Каверин, 1983, 116].

Каверин не вступал в полемику с цензурным ведомством, однако он не обходил стороной этот важный аспект: «В нашей литературе есть имена, как бы «находящиеся в обмороке» и медленно – к сожалению, слишком медленно – возвращаются к жизни» [Каверин, 1956, 69].

Стоит отметить, что Каверин не противопоставлял индивидуальный опыт Булгакова всей русской литературе. Для него было важно показать преемственность, свойственную писателю. Он отмечал влияние творчества Н.В. Гоголя на литературное становление Булгакова, а также прослеживал генеалогию того, что называл «трагическим гротеском», ставя Булгакова в один ряд с вышеупомянутым Гоголем, Сенковским, Салтыковым-Щедриным [2].

В переписке Е.С. Булгакова не раз благодарила Каверина за его труд и усилия, приложенные для восстановления честного имени писателя: «Ведь всё, что Вы пишете о Булгакове, является вызовом всем, писавшим до сих пор о нём. Но делаете это Вы так спокойно, так достойно, без всякого желания вступать в полемику, что, по-моему, теперь, после этой статьи, будет уж трудно продолжать в газетах ту травлю, которой подвергался Михаил Афанасьевич во всю свою трудную жизнь» [5].

Каверин выступил в роли морального и культурного гаранта легитимации Булгакова. Тексты о замалчиваемом драматурге постепенно входили в общественное сознание, создавался образ писателя, соответствовавший действительности. Постепенная публикация произведений, а также разговор о творчестве писателя в печати создавали ощущение «естественного» возвращения, хотя на деле это были плоды трудной и методичной работы.

Источники и литература

- 1) Ермолинский С.А. О времени, о Булгакове, о себе. М., 2002.
- 2) Каверин В.А. Заметки о драматургии Булгакова // Булгаков М.А. Драммы и комедии. М., 1965.
- 3) Каверин В.А. Заметки о драматургии Булгакова // Театр. 1956. №. 10. С. 69–73.
- 4) Каверин В.А. Счастье таланта. М., 1983.

- 5) Каверин В.А. Письменный стол. URL: <https://litlife.club/books/191462> (дата обращения: 01.03.2026).
- 6) А. А. Фадеев — Е. С. Булгаковой. URL: <https://bulgakov.lit-info.ru/bulgakov/pismo-o-bulgakove/letter-13.htm> (дата обращения: 01.03.2026).